

НА ПОТЕШНОЙ, 3

Постоянная, в течение года, нервотрепка с мастерской окончательно вывела меня из равновесия. Каждый месяц получаю грозные предупреждения: "Освободить мастерскую к 1-му числу"; "Освободите через две недели, будете выселены через суд".

Отключили отопление, и всю зиму я замерзал в мастерской. Ладно я, но холсты! Провисли все картины, как мокрое белье на веревке после большой стирки. Что делать? А тут еще ходят новые хозяева-"господа" и грозят: "Отрежем свет! Перекроем воду!" А мне шепчут: "И поджечь вас могут, и убийц нанять могут, им ведь площадь нужна в центре! А такие люди на все способны..."

Пожаловался как-то вечером на свою судьбу врачу-психиатру Маргарите Ивановне по телефону, а она и говорит: "Приходи ко мне в больницу завтра утром. Отдохнешь, полежаешь у нас, попьешь лекарства, забудешь на время свои невзгоды, чем можем — поможем".

Я подумал: неужели я больной, или эта "новая" жизнь меня так сильно изменила, что люди уже принимают меня за сумасшедшего? А может быть, это сама Судьба подталкивает меня туда, чтобы посмотреть и рассказать потом людям о том, что почти никто не видит, а если и увидит, то вряд ли нарисует. Ведь ни Федотов, ни Врубель не оставили нам на память лиц своих последних друзей сумасшедших. А жаль...

И вот я в психушке на Потешной,

3. У меня особое положение: лежу в отдаленной от тяжелых больных, тихой, на 4 койки, "блатной" палате со шторами на окнах. Все другие палаты переполнены беспокойными

и бормочут. Шофера кричат: "Попадай машину налево, на тормоза, нажимай на тормоза, смотри девочку не задави!" — и рвутся куда-то, но уже обычно в это время они крепко привязаны к кровати, но, не понимая этого, кричат и мечутся, и так всю ночь... Два дня назад привезли кинооператора со студии документальных фильмов, он просил подписать ведомости: "Вот тут распишитесь, — говорил он мягко, — и здесь тоже... ну, вот хорошо, теперь все в порядке, а то ведь каждое место в Иркутск стоит 13 рублей..."

"Дед! Ты что! В каком времени живешь?! — смеются ночные санитары, — сейчас все стоит тысячи!". Но он не слышит их и опять продолжает укладывать мысленно вещи и опять боится что-нибудь забыть.

Я стою у стены и рисую его, привязанного к койке. Проходит процедурная сестра, смотрит на рисунок. "Не положено здесь рисовать", — хочет понравиться ей своей строгостью санитар. "Нет, почему же?" — отвечает ему Раиса Дмитриевна, — Геннадий Михайлович — художник-профессионал, он без этого не может, это его жизнь". После такого разговора я уже свободно входил в любую палату, в курилку, в столовую, в туалет, где ведутся самые интенсивные разговоры и даже поются по вечерам песни, и везде рисовал, рисовал, и никто мне уже никогда не мешал...

В надзорной палате лежал другой художник — Саша Башиллов. У него дома я потом видел несколько холстов с изображениями старого черепа — символа смерти, абстракции и прекрасно нарисованных рыцарей с каменными ногами. Это были

"Марго", а она его — Женя... "Все стены расписал нам в столовой диковинными цветами и натюрмортами, — говорила Маргарита Ивановна восторженно, — это было что-то необыкновенное, но вот ремонт, привезли моющиеся обои, пришлось все заклеить. Но это уже после смерти Жени, — вздыхает

вперед кого угодно убьете..."

"Женя", иди к нам, к нам иди, шурави, иди сюда, художник", — зывали советского графика простые люди Афганистана, и он шел в самую гущу толпы к великому ужасу уважаемых дипломатов, в конце концов взявших с него подписку, что они не отвечают за его жизнь, и махнувших на него рукой. Но афганцы видели в нем друга и не убивали его.

Нечто подобное было и со мной потом в Кабуле...

И вот снова разговор о Жене Шукаеве, теперь уже — в психиатрической больнице. И здесь его любили, любили за его жизнелюбие, за его открытость. "На Руси пьяницы — святые люди", — говорил Достоевский. "Пьяного Бог бережет", — говорят в народе. Женя Шукаев любил выпить. Не раз за десять лет их дружбы Маргарита Ивановна (голубиная душа!) хотела приодеть

врач. — Ах, какой был прекрасный человек, огромного роста, сильный, умный, веселый, талантливый. Вы знали его?..."

"Да, — отвечаю, — знал немного. Еще в Афганистане мне в посольстве рассказывали об этом удивительном художнике, который босиком, в расстегнутой рубашке, лохматый, с блокнотом в руках бродил по базарам воюющего Кабула.

"Женя, тебя же убьют", — говорили ему дипломаты, подъезжая к нему в бронированных "тойотах", вооруженные и с рациями в руках. "Да идите вы к такой-то матери, — отвечал им художник, — вы сами

Женю, хотела купить ему костюм, но жена Жени отговорила опытного психиатра простыми словами: "Жене это не нужно".

Действительно, когда рисуешь — ничего не нужно. Если что и нужно художнику, как воздух, — это свобода. У меня был в этом спокойном отделении "свободный выход". Я мог выйти на улицу хоть ночью. Так, оберегая меня как художника, распорядилась Маргарита Ивановна, и я думаю, что научил ее такому отношению к художникам любимый ею Женя Шукаев. Я видел, как тоскуют люди в тесноте переполненного отделения, как они ждут весточки из шумной столицы, окружающей со всех сторон нашу психбольницу. Как завидуют тем, к которым по вечерам приходят родные.

Геннадий ДОБРОВ.
Рисунки автора.

(Окончание в следующем номере.)

От редакции: стилистика, орфография и пунктуация автора соблюдены полностью.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Если Вы не успели подписаться на нашу газету в почтовом отделении, мы поможем Вам регулярно и без хлопот получать "МХ" все 11 полугодие. Ждем Вас в редакции — на Старосадском, 5, комната 3.

людьми, а в надзорной палате нет даже дверей. В проеме от двери сидят санитары и смотрят все время в палату, и, если им покажется что-либо подозрительно, они поступают просто: берут несколько простыней, привязывают — руки отдельно, ноги отдельно, грудь отдельно — к арматуре кровати, но без злости, часто даже с шуточками и прибаутками. Ведь тут лежат, в основном, тяжелые алкоголики с белой горячкой. Когда их привозят, обычно ночью, вид их страшен и растерян. Они пугливо озираются

жуткие символы, окровавленные и красивые. Красивые и несчастные, как сам Саша. Он выпрашивал у меня таблетки. Когда медсестра давала таблетки, я их прятал за щеку, а потом отдавал Саше. Так же поступали и некоторые другие, так что он все время "балдел" от этих

"колес".

Маргарита Ивановна как-то сказала мне, что в этом, 25-м отделении несколько лет назад лежал известный художник Евгений Шукаев. С ним Маргарита Ивановна сдружилась настолько, что он звал ее

